

ВСТУПЛЕНИЕ

Тот, кто силою своею основал чертог вселенной,
Ради нас украсил землю красотою несравненной.
Животворное дыханье даровал он твари бренной.
Отражен в земных владыках лик его благословенный.

Боже, ты единый создал образ каждого творенья!
Укрепи меня, владыка, сатане на посрамленье!
Дай гореть огнем миджнура до последнего мгновенья!
Не карай меня по смерти за былые прегрешенья!

Лев, служа Тамар-царице, держит меч ее и щит.
Мне ж, певцу, каким деяньем послужить ей надлежит?
Косы царственной — агаты, ярче лалов жар ланит.
Упивается нектаром тот, кто солнце лицезрит.

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.
Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.
Кто внимал моим твореньям, был сражен клинком
булата.

Мне приказано царицу славословить новым словом,
Описать ресницы, очи на лице агатобровом,
Перлы уст ее румяных под рубиновым покровом, —
Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым!

Мастерство, язык и сердце мне нужны, чтоб петь о ней.
Дай мне силы, вдохновенье! Разум сам послужит ей.
Мы прославим Тариэла, утешителя людей,
Трех героев лучезарных, трех испытанных друзей.

Сядем, братья, и восплачем о несчастном Тариэле!
Скорбь о нем копьем печали ранит сердце мне доселе.
Это древнее сказанье я, чье имя Руставели,
Нанизал, как цепь жемчужин, чтоб его стихами пели.

Страсть любви меня, миджнура, к этой повести склонила:
Та, кому подвластны рати, для меня светлей светила.
Пораженный ею в сердце, я горю в огне горнила.
Коль не сжалится светило, ждет безумного могила.

Эта повесть, из Ирана занесенная давно,
По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.
Спеть ее грузинским складом было мне лишь суждено
Ради той, из-за которой сердце горестью полно.

Ослепленный взор безумца к ней стремится поневоле.
Сердце, сделавшись миджнуром, в отдаленном бродит
поле.

Пусть она спасет мне душу, предавая плотской боли!
Как воспеть мне трех героев, если сил не станет боле?

Что кому дано судьбою — то ему и утешенье:
Пусть работает работник, воин рубится в сраженье,
Пусть, безумствуя, влюбленный познает любви
лишенья, —
Не суди других, коль скоро сам боишься поношенья!

Стихотворство — род познания, возвышающего дух.
Речь божественная с пользой услаждает людям слух.

Мерным словом упиваться может каждый, кто не глух.
Речь обычная пространна, стих же краток и упруг.

Испытаньем иноходцу служит дальняя дорога,
Игроку — удар искусный, если мяч рассчитан строго.
Для певца же дело чести — ширь стихов, богатство слога.
Он и сам коня осадит, увидав, что речь убога.

Если вдруг в стихотворенье речь становится невнятна,
Присмотреться стихотворцу и полезно и приятно:
Увидав свою ошибку, он попытается обратно
И, геройски в меч ударив, победит неоднократно!

Кто два-три стишка скропает, тот, конечно, не творец.
Пусть себя он не считает покорителем сердец.
Ведь иной, придумав глупость, свяжет рифмою конец
И твердит, как мул упрямый: «Вот искусства образец!»

Небольшой стишок — творенье стихотворца
небольшого,
Не захватывает сердца незначительное слово.
Это жалкий лук в ручонках у стрелочка молодого:
Крупных он зверей боится, бьет зверушек бестолково.

Мелкий стих подчас пригоден для пиров, увеселений,
Для любезностей веселых, милых шуток, развлечений.
Если он составлен бойко, он достоин одобрений.
Но певец лишь тот, кто создан для значительных
творений.

Надо, чтобы стихотворец свой талант не расточал,
Чтоб единственно любимой труд упорный посвящал.
Пусть она в стихах искусных, пламенея, как кристалл,
Удостоится созвучий музыкальных и похвал.

Той, кого я раньше славил, продолжаю я гордиться.
Я пою ее усердно, мне ли этого стыдиться!
Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица.
Пусть, не названная мною, здесь она отобразится!

Есть любовь высоких духом, отблеск высшего начала.
Чтобы дать о ней понять, языка земного мало.
Дар небес — она нередко нас, людей, преображала
И терзала тех несчастных, чья душа ее взалкала.

Объяснить ее не в силах ни мудрец, ни чародей.
Понапрасну пустословы утомляют слух людей.
Но и тот, кто предан плоти, подражать стремится ей,
Если он вдали страдает от возлюбленной своей.

Называется миджнуром у арабов тот влюбленный,
Кто стремится к совершенству, как безумец
и ступленный.
Ведь один изнемогает, к горним высям устремленный,
А другой бежит к красоткам, сластолюбец
развращенный.

Должен истинно влюбленный быть прекраснее светила,
Для него приличны мудрость, красноречие и сила,
Он богат, великодушен, он всегда исполнен пыла...
Те не в счет, кого природа этих доблестей лишила.

Суть любви всегда прекрасна, непостижна и верна,
Ни с каким любодеяньем не равняется она:
Блуд — одно, любовь — другое, разделяет их стена.
Человеку не пристало путать эти имена.

Нрав миджнура постоянен: не чета он блудодею,
Верен он своей любимой и скорбит в разлуке с нею.

Будь любимая сурова — он и так доволен ею...
В мимолетных поцелуях я любви не разумею.

Не годится звать любовью шутики взбалмошные эти.
То одна у ветрогона, то другая на примете.
Развлекаться столь беспечно лишь дурные могут дети.
Долг миджнура: если нужно, обо всем забыть на свете.

У влюбленного миджнура свой единственный закон:
Затаив свои страдания, о любимой грезит он.
Пламенеет он в разлуке, беспредельно иступлен,
Подчиняется смиренно той, в которую влюблен.

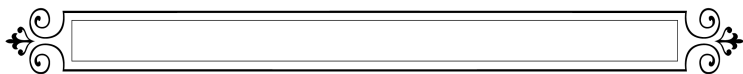
Тайну раненого сердца не откроет он другому,
Он любимую позорить не захочет по-пустому,
Он свои скрывает чувства, он к ее не ходит дому,
Он за счастье почитает эту сладкую истому.

Трудно верить в человека, коль о милой он бормочет.
Сам себе он вред приносит — что ж он попусту
хлопочет?

Чем он милую прославит, если тут же опорочит?
Почему он сердцу милой причинить страданье хочет?

Не пойму я: чем притворство привлекает сумасброда?
Если он не любит деву, разве нет ему исхода?
Почему ж ее он хочет запятнать в глазах народа?
Но злодею злое слово слаше сахара и меда!

Плач миджнура о любимой — украшенье, не вина.
На земле его скитанья почитают издавна.
И в душе его, и в сердце вечно царствует одна,
Но толпе любовь миджнура открываться не должна.

НАЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О РОСТЕВАНЕ, ЦАРЕ АРАВИЙСКОМ

Жил в Аравии когда-то царь от бога, царь счастливый,
Ростеван, искусный воин и владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый, величавый и правдивый,
Был он грозный полководец и мудрец красноречивый.

Кроме дочери, владыка не имел другого чада.
Дочь его звездой сияла и была ему отрада.
Славных витязей царевна с одного пленяла взгляда.
Чтоб воспеть ее достойно, мудрецов немало надо.

Тинатин ей дали имя. Лишь царевна подросла
И затмила свет светила блеском юного чела,
Царь собрал своих вазиров, знатоков добра и зла,
И завел беседу с ними про высокие дела.

Царь сказал: «Когда под старость сохнет роза, увядая,
Вместо этой старой розы расцветает молодая.
Вот и я не вижу света, меркнет взор, изнемогая.
Справедливого совета жду от вашего ума я.

Жизнь моя к концу подходит, старость хуже всякой
боли.

Завтра, если не сегодня, я умру по божьей воле.

Для чего и свет, коль мрака не избежать в сей юдоли!
Пусть же дочь, мое светило, воцарится на престоле».

Но вазирьы отвечали: «Царь, с ушербною луной,
Как бы звезды ни сияли, не сравниться ни одной.
Увядающая роза дышит слаще молодой.
Что ж ты сетуешь на старость и зовешь ее бедой?

Нет, не вянет наша роза, не тверди нам, царь, об этом!
Но совет твой, даже худший, не чета другим советам.
Делай так, как ты задумал, коль другой исход неведом.
Пусть воссядет на престоле та, чей лик сияет светом!

Хоть и женщина, но богом утверждается царица.
Мы не льстим: она способна на престоле потрудиться.
Не напрасно лик царевны светит миру, как денница:
Дети льва равны друг другу, лев ли это или львица».

Сын вельможи-полководца, сам прославленный
спаспет,
Автандил-военачальник был в расцвете юных лет.
Стройный станом, почитался он соперником планет,
Но ресницы солнцеликой довели его до бед.

Затаив любовь к царевне, он страдал, испепеленный.
Розы щек его бледнели в тишине уединенной,
И росло при каждой встрече пламя страсти затаенной...
Сколь достоин сожаленья унывающий влюбленный!

В день, когда решилось дело с солнцеликою царевной,
Боль души его сменилась светлой радостью душевной.
Он сказал: «Теперь все больше, с каждой встречей
ежедневной
Буду я освобождаться от судьбы моей плачевной».

Ростеван по всей державе разослал такой указ:
«Тинатин на царском троне будет править вместо нас.
Пусть она сияет миру, словно царственный алмаз!
Дочь-царицу славословить приходите в добрый час!»

И сошлись к царю арабы, и приехали вельможи,
И Сограт, вазир любимый, с Автандилом прибыл тоже,
И, когда они воздвигли трон, устроенный пригоже,
Весь народ сказал в восторге: «Нет цены ему, о боже!»

И когда на трон царевну царь возвел пред всем
собором,
И когда ее венчал он дивным царственным убором, —
С царским скипетром, в короне, восхваляемая хором,
На людей смотрела дева вдохновенно-кротким взором.

И склонились перед нею все собравшиеся ниц,
И признали эту деву величайшей из цариц,
И ударили кимвалы, и, как крылья черных птиц,
Все в слезах, затрепетали стрелы девичьих ресниц.

Ей казалось: трон отцовский отдан ей не по заслугам,
Потому в слезах томился садик роз, взращенный югом.
Царь сказал: «Отцы и дети, мы царим здесь друг
за другом.
Не отдав тебе престола, был бы я убит недугом!

Не томись напрасно, дочка! — он просил, увещевая. —
Ты теперь надежда наша, отдал все тебе права я.
Аравийская царица, будь правительницей края,
Мудро, скромно, прозорливо государством управляя.

Как бурьяну, так и розам солнце светит круглый год, —
Будь и ты таким же солнцем для рабов и для господ.

Царской щедростью и лаской привлекли к себе народ,
Помни: море не иссякнет, расточая бездны вод.

Щедрость — слава государей и премудрости основа.
Дивной щедростью владыки покоряют даже злого.
Есть и пить любому нужно, в том не вижу я плохого.
Что припрячешь — то погубишь, что раздашь —
вернется снова».

Поучениям отцовским дочь послушная внимала,
Светлым разумом без скуки в наставленья проникала.
Царь устроил пир веселый, веселился сам немало,
Солнце дивной красотой юной деве подражало.

И царица повелела вызвать дядьку-пестуна:
«Под печатями твоими сохраняется казна.
Сундуки открой с деньгами и очисти их до дна:
Дочь царя, своим богатством поделиться я должна».

Раздала все то царица, что своим считала сроду.
Всем — и знатным и незнатным — поприбавилось
доходу.

Дева так и говорила: «Пусть родителю в угоду
Ныне все мое богатство будет роздано народу.

Открывайте кладовые, отпирайте все подвалы!
Выводите коней, конюший! Выносите перлы, лалы!
Ничего не пожалею!» И войска, наполнив залы,
На сокровища царицы устремились, как шакалы.

Как законную добычу завоеванных земель,
Всех коней они угнали, столь лелеемых досель.
И была похожа дева на небесную метель,
Чтоб любой ее дарами мог наполнить свой кошель.

Первый день прошел в забавах. Пили, ели, пировали,
Многочисленные гости властелина окружали.
Вдруг поник он головою, преисполненный печали.
«Что с владыкой приключилось?» — перешептываться
стали.

Автандил-военачальник с добродетельным Согратом
Во главе иных придворных на пиру сидели рядом.
Увидав отца царицы странной горестью объатым, —
«Что с царем?» — они невольно стали спрашивать
себя там.

И решили: «Наш владыка стал задумчив не к добру,
Ведь никто не мог обидеть государя на пиру!»
Автандил сказал Сограту: «Эту странную хандру
Постараемся рассеять: нам она не по нутру».

Встал Сограт седобородый, встал воитель, стройный
станом,
Подошли они к владыке — каждый с поднятым
стаканом, —
Опустились на колени на ковре золототканом,
И Сограт вступил в беседу с престарелым Ростеваном:

«Загрустил ты, царь великий! Взор твой больше
не смеется.
Что ж, ты прав! В твоих подвалах даже драхмы
не найдется.
Дочь твоя свои богатства раздала кому придется.
Лучше б ей не быть царицей, чем с нуждой тебе
бороться!»

Оглянувшись на вазира, усмехнулся царь-отец,
Удивился: как он смеет упрекать его, наглец.

«Одолжил меня ты славно, мой прославленный мудрец,
Но ошибся, утверждая, что арабский царь — скупец!

Нет, вазир, не эти мысли доставляют мне мученье!
Стар я стал, уходят годы, чую смерти приближенье.
Кто, скажи, теперь возьмется заменить меня в сраженье?
Кто сумеет в ратном деле перенять мое уменье?

Не дала судьба мне сына. Жизнь моя — сплошная мука.
И хотя привычна стала для меня земная скука, —
Сын сравнялся бы со мною, как лихой стрелок из лука...
Лишь отчасти Автандилу впрок пошла моя наука».

Слово царское услышав, улыбнулся Автандил,
Светозарною улыбкой всю долину озарил.
Пред царем потупил очи, был он молод, полон сил.
«Ты чему смеешься, витязь? — царь, нахмурившись,
спросил. —

Разве речь моя безумна и достойна порицанья?»
«Государь, — ответил витязь, — дай сперва мне
обещанье,
Что меня ты не осудишь за обидное признание,
Не предашь меня на муки, не придешь в негодование».

Милой дочерью поклявшись, что как солнце пламенела,
Царь сказал: «Не бойся, витязь, говори мне правду
смело».

«Царь, — сказал отважный витязь, — предан я тебе
всецело,
Но напрасно ты кичишься, недостойно это дело!

Я, твой верный полководец, только пыль у царских ног,
Но пускай решает войско, кто искуснее стрелок.

Выходи ж на состязанье, государь, и видит бог,
Лук и стрелы нас рассудят и дадут тебе урок».

Царь воскликнул: «Я с тобою говорю не для забавы.
Коль со мной ты спор затеял, не уйдешь ты
от расправы!

Мы в свидетели поставим лучших воинов державы,
Поле быстро обнаружит, кто из нас достоин славы».

Так они договорились в этот вечер меж собою.
Царь шутил и улыбался, расположенный к герою.
В заключение решили: кто не справится с стрельбою,
Тот проходит трое суток с непокрытой головою.

И загонщикам велел он: «Рассыпаясь цепью длинной,
Ваше дело — из трущобы гнать на нас косяк звериный».
И бойцов на состязанье пригласил он всей дружиной,
И закончил пир веселый, и расстался с чашей винной.

В дорогой чалме, в оружьи, как лилея, строен станом,
На рассвете прибыл витязь ко дворцу за Ростеваном.
С высоко подъятым ликом, светозарным и румяным,
На коне он красовался в одеянье златотканом.

Скоро выехал владыка, для охоты снаряжен.
Луг, назначенный заране, был народом окружен.
Вдалеке звучали крики — начался звериный гон,
И стрелки схватили луки, как предписывал закон.

Царь двенадцати любимцам приказал: «Вперед,
за мною!

Лук держите наготове, приготовьте стрелы к бою!
Подсчитайте, сколько дичи я убью моей рукою!»
Между тем лесные звери приближались к зверобою.

Многочисленное стадо появилось в отдаленье,
На охотников бежали серны, лани и олени.
Царь и витязь их встречали градом стрел, не зная лени.
Созерцая их проворство, люди были в изумленье.

Пыль, поднявшаяся к небу, солнце кутала во мглу,
Кровь лилась вокруг рекою, пот струился по челу.
Но любой из нападавших за стрелюю слал стрелу,
И нельзя укрыться было ни оленю, ни козлу.

Поле быстро проскакали, всё зверье поразогнали,
Многих насмерть уложили, землю кровью запятнали.
«Кипарис в садах эдемских! Есть другой такой едва ли!» —
Так о витязе твердили те, кто спор их наблюдали.

Поле кончилось, за полем поднимался лес дремучий,
Вдалеке торчали скалы, громоздясь на кручу кручей.
Звери прынули в трущобу, там их спас счастливый
случай,
Ибо в чаще их настигнуть даже конь не мог могучий.

Царь, усталый, но довольный, возгласил: «Моя взяла!»
Автандил не соглашался, отирая пот с чела.
Услыхав их спор веселый, к ним дружина подошла.
Царь сказал: «Без всякой лести расскажите, как дела?»

«Государь, — сказали слуги, — чтоб тебе не заблуждаться,
Знай, что с юным Автандилом ты не можешь
состояться.

Мы помочь тебе не в силах, мы обязаны признаться,
Что от стрел его оленям было некуда деваться.

Двадцать раз по сто животных мы за вами прикололи,
Только счет у Автандила штук на двадцать будет боле.

Он без промаха стреляет, ты же, царь, помимо воли,
Много стрел своих напрасно разметал на этом поле».

Царь забавной схваткой в нарды посчитал событие это.
Был ему успех питомца слаще солнечного света.
Соловей не любит розу так, как он любил спаспета.
И печаль его исчезла, и душа была согрета.

Оба сели под деревья, дали воинам сигнал,
И войска, как строй колосьев, устремились на привал,
И двенадцать слуг царевых, каждый строен и удал,
Наблюдали за рекою и за выступами скал.

АРАВИЙСКИЙ ЦАРЬ ВСТРЕЧАЕТ ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Вдруг заметили арабы чужестранца молодого.
Опечаленный, держал он за поводья вороного.
Крупным жемчугом сверкало снаряжение верхового,
Роза инеем покрылась, как от ветра ледяного.

Облаченный в шкуру тигра и в такой же шапке
странной,
Он сидел и горько плакал, этот витязь чужестранный.
Толщиной в мужскую руку, плеть его была чеканной.
«Что за странное виденье!» — думал царь со всей
охраной.

Наконец, чтобы знакомству положить скорей почин,
Своего раба отправил за пришельцем властелин.
Но струился дождь хрустальный из агатовых стремнин,
И не смог ни слова молвить, подскакав, простолюдин.

Произнести не мог ни слова чужеземцу раб смущенный.
Наконец, придя в сознание, он воскликнул,

восхищенный:

«Царь велел»... И вновь умолкнул, безгранично

удивленный.

Но его не видел даже витязь тот иноплеменный.

Ничего не слышал витязь и не понял этой речи,
Неведомек страдальцу было, что войска шумят далече.
Сердце в пламени пылало, тихо вздрагивали плечи,
Кровь мешалась со слезами, как на поле грозной сечи.

Ум его витал далеко, грез не в силах отряхнуть.
И, когда его посланец пригласил с собою в путь,
Не сказал ни слова витязь, только слезы лил на грудь.
Не хотела эта роза уст прекрасных разомкнуть.

И посланец к Ростевану возвратился без ответа:
«Царь, не хочет этот витязь слышать царского привета,
Ослепил мои глаза он блеском солнечного света,
Только время потерял я, не вини меня за это».

Удивился царь и в гневе приказал немедля слугам:
«Поезжайте все двенадцать, каждый с палицей и луком!
Если этот незнакомец не ответит мне ни звуком,
В плен его возьмите силой и воздайте по заслугам».

Вот рабы, гремя оружием, к незнакомцу подошли,
И очнулся этот витязь, сын неведомой земли.
Оглянулся он внезапно, увидел войска вдали.
«Горе мне!» — сказал, и слезы по лицу его текли.

И смахнул он эти слезы, и отер лицо рукою,
Меч на поясе поправил, лук повесил за спиною,

Сел в седло неторопливо и поехал стороною,
Не послушал, что хотели доложить рабы герою.

Руки воины простерли, задержать его хотели.
Горе, что он с ними сделал! Их враги бы пожалели!
Он валил их друг на друга, как никто другой доселе,
Рассекал по пояс плетью, пробивая в латах щели!

Царь был взбешен, и в погоню полетел другой отряд.
Вьется пыль, несутся кони, латы в воздухе горят.
Витязь снова оглянулся и, мешая с рядом ряд,
Стал рабов метать друг в друга, лютым пламенем
объят.

Царь вскочил и с Автандилом поспешил на поле
брани.

Стройный станом незнакомец тихо двигался в тумане.
Лик его светился светом, конь ярился как Мерани,
Приближенье государя заметил он заране.

Он хлестнул коня, и взвился чудный конь, покорный
воле

Седока, и все исчезло — никого не видно боле:
Ни коня, ни чужестранца... Вознеслись на небо, что ли,
Или в землю провалились — но следы исчезли в поле.

Как их люди ни искали — не нашли. И царский стан
Порешил, что это демон напустил на них дурман.
Люди плакали по мертвым, обмывали язвы ран.
«Час настал, конец веселью! — скорбно молвил
Ростеван. —

Видно, богу надоело созерцать мое веселье,
Потому он посылает след за радостью похмелье.